

многоканальных зенитных комплексов, сложность и малые тактические возможности страховочной системы поражения целей ракетами «воздух — воздух» снизили интерес к этой части первоначального замысла. В составе «Беркута» система управляемого ракетного оружия «воздух — воздух» своего завершения не нашла.

Так определился окончательный облик будущей системы ПВО Москвы: радиолокаторы кругового обзора (в том числе выдвинутые на дальние рубежи) — для обнаружения подлетающих целей (А-100) и два кольца секторных многоканальных зенитных ракетных комплексов — радиолокаторов наведения Б-200 с зенитными ракетами В-300 (34 комплекса на внешнем кольце и 22 на внутреннем). Для управления системой предусматривались центральный и четыре секторных командных пункта, для хранения ракет и подготовки их к боевому использованию — специальные технические базы.

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Много лет спустя, готовясь к этим запискам, я спросил у Щукина, чем определялся состав четверки выбранной им и Расплетиным из ЦНИИ-108. Расплетин никого не взял из своей лаборатории. Это было понятно: заботился о продолжении проводившихся им в ЦНИИ-108 работ. Были также ясны мотивы перевода Закона и меня. Закон разрабатывал антенну для последнего созданного Расплетиным в ЦНИИ-108 радиолокатора. Мою работу Расплетин хорошо знал, и, случалось, обсуждал со мной возникавшие у него вопросы. Но с Бункиным и Бурштейном Расплетин вообще не контактировал! Щукин ответил так: «Мы с Расплетиным выбирали молодых и талантлив-

вых» (Щукину в 1950 г. было 50, Расплетину — 40). И, всегда аккуратный в формулировках, сделав паузу, добавил то, чего я никак не ожидал: «Конечно, учитывали и существовавшие в то время в институте перегибы по национальному вопросу».

Приобретавшая все больший размах борьба с «космополитами» тогда еще не коснулась никого из нашей семьи и из моих хороших знакомых. Брат был в армии, продолжал служить в авиации в Прибалтике. Отец после перенесенного в 1948 г. инсульта не работал, находился на пенсии. В отношении самого меня кадровики института предпринимали грязные действия, провокации. О них нет никакого желания не только писать, но и вспоминать. Неисправимый оптимист, я даже в мыслях не допускал, что набиравший силу антисемитизм может поломать и мою судьбу. Возглавляемая мной лаборатория работала весьма успешно, Берг и Щукин меня ценили. В голову не приходило, что последнее слово принадлежит не им, а кадровикам. И они настигли меня на новом месте работы.

Некоторое время по каким-то техническим причинам мы не имели постоянных пропусков. Получая в бюро пропусков заранее заготовленные разовые пропуска, мы заходили в Первый отдел к его начальнику Николаю Степановичу Зобову: он проставлял на пропусках необходимые шифры.

Когда в очередной раз Зобов ставил шифры на моем пропуске, я невольно прочел лежавшую на его столе напечатанную на отдельном небольшом листке записку: «К.С. Альперович лишен допуска по ЦНИИ-108. В. Дурнев» (инженер-полковник Дурнев был в ЦНИИ-108 начальником политотдела). Это был страшный удар: меня обязаны были уволить.

По-видимому, мгновенно сработало чувство самосохранения. Я сдержался, ничем не показал, что прочел за-

писку. Сразу направился к Расплетину. Был совершенно растерян. Расплетин стал меня успокаивать, говорить, что лишение меня допуска недоразумение. Рассказал, что в гражданскую войну у него самого, за якобы участие в подготовке контрреволюционного мятежа, расстреляли отца, но, вот ведь, он успешно работает. Сказал, что и у меня все обойдется.

Что предпринял Расплетин — не знаю. Безусловно, не обошлось без обращения к С. Берии. Вечером Расплетин сообщил решение. Мне следовало пойти в отдел кадров и там заполнить анкету и написать автобиографию для нового оформления допуска. Временно, пока допуск будет оформляться, я должен работать не в тематическом, а в отраслевом подразделении.

Первый раз справку о новом допуске к секретной работе я получил на руки для поездки на прежнее место работы, в ЦНИИ-108. Там я хотел отобрать для пересылки в КБ-1 материалы готовившейся мной кандидатской диссертации. Справки о допуске тогда выдавали в запечатанном конверте. Я положил конверт на зеленый абажур настольной лампы и прочел: допущен к совершенно секретной, особой важности переписке и работе (возможно, текст несколько отличался, но смысл воспроизведен точно).

В 90-х гг., при обсуждении рукописи «Ракеты вокруг Москвы», я рассказал об этом эпизоде моей жизни вдове академика Капицы мудрейшей Анне Алексеевне. Реакция Анны Алексеевны последовала немедленно: «Умный человек был ваш режимщик. Ведь он оказался между молотом и наковальней. Вы были лишены допуска к секретной работе и вас же сам Лаврентий Берия перевел на важнейшую работу. Пойти к вашему начальнику, сыну Берии, с сообщением о лишении вас допуска — только обрести большие неприятности. Вот он и решил, будто невзначай, ознакомить вас с этой запиской: пусть

В. В. Зубанов

все решается без него. И, как видите, его расчет оправдался».

Отправляя меня в отраслевое подразделение, Расплетин сказал, что, числясь там ведущим инженером в одной из лабораторий, я, как и до того, должен продолжать осуществлять техническое руководство разработкой всей многоканальной части СГЦ. Добавил, что об этом все, кому это нужно знать, поставлены в известность. Лабораторию,

в которую я переводился, или, как выразился Расплетин, в которой я «буду числиться», он заметил еще в сентябре, когда впервые знакомился с тем, чем тогда обладало только начинавшее жить КБ-1. Это была одна из лабораторий, занимавшихся системами сопровождения целей и ракет. Возглавлял ее Владимир Васильевич Зубанов.

Действительно, нет худа без добра. Перевод в КБ-1 из ЦНИИ-108, к которому за шесть послеинститутских лет я прирос всей душой, обернулся еще более интересной работой. Последовавшее за переводом лишение допуска к секретной работе — расширением круга решаемых мной задач. Работать в отраслевом подразделении было гораздо интереснее, чем в тематическом. В проработке и решении общих вопросов «Беркута» мое участие осталось прежним. В то же время, будучи «отраслевиком», я непосредственно занимался созданием для СГЦ конкретных устройств.

Л. Н. Глебова

Г. В. Баранова

С переводом в КБ-1 мое материальное положение значительно улучшилось. То, что я числился ведущим инженером, на моем окладе не сказалось: в соответствии с решением, по которому в КБ-1 была направлена «тридцатка», я получал ту же зарплату, которую имел в ЦНИИ-108 как начальник лаборатории. Кроме того, в отличие от ЦНИИ-108 и большинства подобных организаций, в КБ-1 выплачивались существенные премии.

Появилась возможность время от времени делать относительно крупные покупки. Получив первую премию, я решил сделать сюрприз жене. Купил рижский набор мебели: сервант, стулья и два стола (обеденный и сервировочный). Стоило все это в то время 3000 рублей — как раз половину моего заработка за квартал. Купленные вещи были для нашей 18-метровой комнаты в Скатертном переулке слишком громоздки. Думаю, жена распорядилась бы премией лучше. Но так хотелось сделать сюрприз! Мое приобретение прослужило нам полтора десятка лет.

Н. М. Шкварникова

Н. А. Славина

Мебель мы сменили, когда после рождения дочери получили двухкомнатную квартиру. Приобретенная тогда чешская «жилая комната» служит нам до сих пор.

Как и все подразделения КБ-1, наше было почти сплошь молодежным. Мне было около 29-ти, большинству остальных — на 5–10 лет меньше. Пополнение предприятия молодежью продолжалось. Весной — летом 1951 г. пришли выпускники МЭИ, части которых весной 1950 г. я прочел специальный курс лекций и, как показало дальнейшее, не без пользы.

Ведущими сотрудниками в лаборатории Зубанова были окончившие только в 1949 г. Московский энергетический институт Люся (Людмила Николаевна) Глебова и Галля (Галина Владимировна) Баранова. Не уступая ни в чем наиболее сильным инженерам-мужчинам, они отличались от большинства из них важным качеством: не пренебрегали в работе «мелочами», всегда все доводили до совершенства. Неоднократно приходилось мне взаимо-

действовать и с другими замечательными женщинами-инженерами. Прежде всего с Наташей Золотухиной (Натальей Михайловной Шкварниковой) и Ниной Андреевной Фоминой (Славиной). Последняя была единственной представительницей прекрасного пола в составе «тридцатки» ведущих специалистов, направленных в КБ-1 особым решением ЦК. Глебова, Баранова и Шкварникова в «Беркуте» и в последующих

М. С. Шафеев

разработках зенитных систем занимались аппаратурой слежения за целями и наводимыми на них ракетами. Фомина — в первых зенитных системах — аналоговыми СРП (счетно-решающими приборами), управляющими наведением ракет, затем — цифровыми устройствами, в том числе управляющими фазируемыми антенными решетками. Многие из работавших под руководством этих замечательных женщин стали потом самостоятельными ведущими специалистами.

Большой вклад в создание систем слежения за целями и ракетами внес военный инженер Михаил Сафронович Шафеев, направленный в КБ-1 по окончании Академии. Трудоголик и скромнейший человек он со временем вырос до руководителя большого коллектива разработчиков.

Решавшиеся задачи были очень интересными, и все мы трудились с огромным энтузиазмом, почти каждый день до 8–10 часов вечера. Для молодежного коллектива такой режим был вполне по силам. Разрабатывали схемы, маке-

тировали отдельные узлы и целые устройства. Готовились к написанию Технического проекта «Беркута» и к выдаче заданий на конструирование аппаратуры для экспериментального образца секторного радиолокатора.

Предполагавшийся кратковременным мой «отраслевизм» продолжался до принятия системы ПВО Москвы на вооружение. Вновь «тематиком» я стал в 1955 г., во время разработки зенитной ракетной системы — С-75.

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Проект «Беркут» охватывал все — от расстановки вокруг Москвы будущих объектов системы до разработки новых электровакуумных приборов и других специальных элементов для ЦРН и зенитной управляемой ракеты. Само КБ-1 проектировало ЦРН и, кроме того, для ракеты — автопилот, приемоответчик и аппаратуру приема управляющих команд.

Внешний вид ЦРН Б-200:

1 — бетонированное помещение; 2 — угломестная антенна; 3 — азимутальная антенна; 4 — антенны передачи управляющих команд